

ПРАВО НА СВОЮ РЕЧЬ

Георгия Буркова знают по фильмам, поставленным С. Бондарчуком, Э. Рязановым, Н. Губенко. Лучшие наши мастера-постановщики, и фильмы отличные. Но пусть не будет прочитано то, что я сейчас скажу, как парадокс, «для словечка»: Георгия Буркова не знают по его работам для экрана.

Исключая шукшинские фильмы, понятно...

Конечно, конечно: при первом появлении артиста на экране наши губы чаще всего невольно расплываются в улыбке. Улыбаемся — хотя герой Буркова далеко не всегда обещает как-нибудь там нас повеселить специально.

Слов нет, в отношении актера к большинству созданных им экранных образов, а они не всегда «комические», всегда есть то чувство юмора, которое не есть сценарием заданная смешливость, не очередной повод для всеобщего кассового хохота, — а взгляд на мир.

Тогда улыбка наша ответная становится знаком доверия к хорошо знакомому человеку, счастливо наделенному остроумием и радостью жизнеощущения.

Но, смех, улыбка — как это все же мало для того, чтобы мы могли сколько-нибудь полно понять Буркова-актера, а еще меньше Буркова-человека. Сколь бы ни был щедр кинематограф, широко, укрупненно показывая возможности исполнителя, со сценой его не сравнить. Дело не в соперничестве искусства, а в природных особенностях театра: сцена сближает актера и зрителя настолько, насколько это возможно. И тогда происходит тот подлинный, без условностей опосредования диалог душ.

Не всякий артист выдержит такое сближение, не всякого и стоит к залу «приближать».

Зная Георгия Буркова (обратите внимание на ударение!) произносят неправильно) по кино можно лишь предполагать о глубине его театральной работы.

А список сыгранных на сцене ролей убеждает, как много еще можно узнать о старом добром знакомом. Моноспектакль «Записки сумасшедшего» по Н. Гоголю; главные роли в «Живом трупе» Л. Толстого, «Докторе Штокмане» Г. Ибсена, «Годах странствий» А. Арбузова... Не будем называть ролей менее масштабных по объему текста, не количеством строчек текста измеряется Бурков-актер.

Ну что общего может быть между арбузовским Алексеем Ведерниковым и, скажем, абсолютно далеким от него «конструктором» в «Печках-лавочках» Шукшина?

Общее есть. Оно опять же во взгляде на мир, в подходе к осмыслению отдельного человека. Неисчерпаемость Вселенной в малой клеточке существа, сложное многослойное движение в простом и словно бы ясном как дважды два... Это — «шукшинское» начало в творчестве Георгия Буркова; быть может, оно и стало одной из основ дружбы артиста с гениальным писателем и режиссером. Сегодня Бурков — один из немногих носителей живой, подлинной шукшинской традиции в нашем искусстве: искренность, предельная открытость, душевный, естественный, без малейшего налета позы демократизм, широта и гуманность отношения



Зинателлем
"Молодого
Коммунара"
На добрую
память
Георгия

к порой неразрешимым парадоксам человеческих судеб.

Вспомните, как в «Печках лавочках» неоднозначен (и даже обаяния не лишен) вор, назвавший себя «конструктором». Герой Буркова становится свидетелем конфликта простодушного Ивана Расторгуева со злобно «качающим права» командированным, — и активно принимает сторону первого, ситуацию с блеском завершает.

Что это, романтизация человека, с которым общество как-никак борется? Нет, разумеется. Буркову важно вызвать в зрителе не одно, хотя и справедливое чувство, а целую гамму, как говорят, их гамму — чувств, отражающих многообразие мыслей художника, исследующего личность, а не социальное клише («вор»). И здесь обаяние становится знаком объемности, полноты характера. Важно не осудить прилепчатая, но показать — даже в маленькой роли — и драму, и причины падения человека, и, возможно, перспективу его возрождения...

Именно Буркову доверил Шукшин исполнять эту роль,

в чем-то, быть может, предвосхитившую Егора Прокудина из бессмертной «Калины красной»...

...Сложный образ Алексея Ведерникова долго не могли классифицировать критики: «плохой» он или «хороший». А в нем и на самом деле равно уживалось и то, и другое. Бурков играл мягко, с юмором, отлично подчеркивающим смятение и противоречивость характера. Он играл человека веселого, остроумного, талантливого, на драматическом слове преодолевающего свой эгоизм, свое тщеславие. Мы видели жизнь почти трагическую, которая останавливалась перед нами в тот момент, когда Ведерников постигал истинную цену простых человеческих отношений...

Пишу «видели», потому что Московский драматический театр имени К. С. Станиславского показывал «Годы странствий» на прошлых гастролях в нашем городе.

И вот новый приезд москвичей.

И — продолжение знакомства с человеком-артистом, которого, казалось бы, мы дав-

но и целиком знаем, — на сей раз в спектаклях по пьесам А. Островского, М. Горького, А. Вампилова.

Та же привлекательность, та же, на первый взгляд, «неуловимость» образов, сущность которых таится не столько в изящном исполнительском ритме, сколько в предельной естественности и чуткости к партнеру, в том зачастую насмешливом взгляде, которым, кажется, актер одновременно смотрит и на своего героя, и на зрителя.

Как точно вписался Бурков — Прохор в напряженно-скрытый ритм «Вассы Железновой». Ритм этот, его настороженная поступь, таит в себе взрывчатость циничных откровений и бесчеловечных поступков. Деловые люди российского капитализма! Прохор Железнов Буркова — кто он? Прожигатель жизни, бросивший вызов жестокой хозяйке дома, ил же циничный стяжатель, боящийся за крепость устоев? Может, то, что Франсуа Мориак назвал гадина-жертва — жертва и паразит в определенных условиях? Он и то, и другое, и третье. Актер верен себе в отказе от однозначных оценок, ему важно показать человека и в причинах, и в следствиях, увести зрителя от первого впечатления, от поверхности — к глубине.

Естественное, как дыхание, единство юмора и трагичности, лирики и сатиры — это, конечно, и результат работы, размышлений, поисков. Но прежде всего свойство таланта истинно национального, который весь — «от щедрот народных», как любил говорить Василий Макарович Шукшин.

Шукшин, сравнивая Буркова с народными мастерами-умельцами, говорил о нем: «Живут на земле русские люди — и вот избирают одного. Он за всех будет говорить — он памятник народной памяти, мудр народный мудростью. Что бы он ни играл — он естествен, свободен. О таком скажешь: «сыграл как на душу положил», и это не «стихийность» — это большая собранность, организованность, которой он обязан не институту, а жизни. Чудо, что может такой актер, когда он попадает на свою стезю!»

Вот почему улыбка, которой встречают зрители появление актера Георгия Буркова, — да останется навсегда знаком доверия к таланту серьезного мастера, а не простым ожиданием трюков, шуток и хохмочек.

Может быть, в память о своем гениальном друге, так тонко почувствовавшем его актерский и человеческий талант, ставит сейчас Бурков в родном театре повесть Василия Шукшина «До третьих петухов»...

В. КУЛИНИЧЕВ,
преподаватель ВГУ,
Дружеский шарж автора.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Позавчера Георгий Иванович был гостем нашей редакции. Не совсем обычной была эта встреча — почти совсем без тех дежурных и довольно-таки никчемных вопросов о «творческих планах» и тому подобном. То был скорей монолог, долгий и незаметный, как всегда бывает при встрече с действительно интересным человеком, много думающим, много пережившим, — имеющим право на долгую речь.

Но Георгий Иванович почти не говорил о себе.

Он о Василии Макаровиче Шукшине рассказывал. Отказавшись от дорогих сигарет, дымил надежной «Примой». Негромко говорил, но слышно.

Постараемся при первой же возможности сделать эту встречу и этот незабываемый рассказ хоть в малой мере реальными и для наших читателей.